

— Французский писатель Флобер говорил, что госпожа Бовари — это он сам. А вы могли бы сказать: «Русская красавица — это я сам?»

— Да, и думаю, что с еще большим основанием, чем Флобер. Он утверждал это, поскольку считал, что страсти Эммы Бовари являются страстями его века. В то время как страсти моей Красавицы, если их развернуть в социальный план, — непосредственно мои страсти, которые я пережил, участвуя в литературном альманахе «Метрополь». Это падение с высот номенклатурного благополучия, скольжение по всему социальному профилю — ровно то же самое, что пережила моя Красавица после того, как побегала по полю и тем вызвала на себя гнев обществу.

Кстати, тонкую грань, отделяющую Эмму Бовари от моей Красавицы, отметил однажды один из самых крупных издателей мира — господин Майер. Мы с ним сидели в ЦДЛ, выпивали, и он сказал, что любит мою Красавицу больше, чем мадам Бовари. Польщенный, спрашиваю, почему. Питер ответил, что с Эммой Бовари он бы не смог спать, а мою Красавицу трахнул бы с удовольствием.

— Ничего не скажешь, тонкий литературный комплимент.

— Госпожа Бовари — фигура, которая имеет, скорее, общепольское значение, а Красавица — очень личностная, индивидуальная и соткана из моих чувств, только вывернутых в сторону женского образа и перевернутых в сексуальной оболочке. Интересно, как все это читатель воспринимает. Скажем, героиня романа Флобера, прочитанного американцем, выглядит как героиня романа «Унесенные ветром», а для русского парня, допустим, из Перми — как Анна Каренина. Я вообще в детстве думал, что все эти замечательные тети живут где-то в одной коммунальной квартире — Анна Каренина, Эмма Бовари, Скарлетт... А сейчас мы видим, что героини очень национальны. И выглядят они национально, у них национальный язык тела — мимика, жестикация и прочее. И в этом разнообразии их прелесть.

— Свою первую любовь помните, Виктор Владимирович?

— Помню, что, когда мы жили в Париже, я учился в школе и каждый год влюблялся в девочку из старшего класса. Это была четырехлетняя школа, и когда дети заканчивали обучение в четвертом классе, то уезжали в Москву. И «моя» девочка тоже. Конечно, я всякий раз придумывал этот образ возлюбленной, в котором было больше моего какого-то идеала, чем конкретной девочки.

— Может, мы и любовь себе придумываем? Что это такое — любовь?

— Как всегда, в самых важных вещах люди не разобрались. Говорят: любовь, любовь, а по сути плохо понимают, что это такое даже те, кто пишет о любви книжки. То же самое — с понятием красоты. Мне кажется, мы только наполовину обладаем общими характеристиками красоты, а наполовину очень субъективными представлениями. Так и понятие любви на пятьдесят процентов состоит из воображения человека, которое устремляется к воз-

любленному. Собственно, эти-то пятьдесят процентов и дают возможность эмоционального спаривания. Потому что если бы человек не выдумывал, не был предрасположен к любви, то он очень трудно находил бы другого человека.

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ:

ГОЛАЯ КОМСОМОЛКА — УЖЕ НЕ КОМСОМОЛКА

РАЗГОВОР С АВТОРОМ ЗНАМЕНИТОГО РОМАНА «РУССКАЯ КРАСАВИЦА» О НЕСОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЕ, СОВЕТСКОМ МУЖЧИНЕ И КОНСЕРВАТИВНОЙ ЛЮБВИ

Труд. — 1999 — 6 марта. — С. 5

— Но ведь и на самом деле не просто найти свою любовь. И вряд ли это можно объяснить только недостатком воображения или, напротив, его избытком.

— Дело тут не в воображении, а, видимо, в самой природе любви. Какое бы ни было воображение — писательское или слесарское — ясно, что человек какой-то образ себе накручивает. Это то, что в сексуальном плане называется фантазмом: когда мужчина знает, что на этот тип на картинке он реагирует сексуально, а на этот — нет. Так же и любовь, только это не эротическое влечение, а влечение очень многоплановое и сильно эмоциональное. Вообще любовь — это слоеный пирог.

— Из чего он состоит? Что лежит в основе?

— Изначально, скорее всего, произошло расщепление человека на мужчин и женщин и отсюда — поиск второй половины, недостающего элемента, самый главный в любви. По сути, это консервативный способ сохранения целостности, своего. Поэтому в любви очень много консервативных элементов. Например, ухаживание очень консервативно, потому что состоит из ритуалов. Именно в любви, в отличие от каких-то связей. Семья — тоже консервативный элемент, состоит из создания гнезда и т.д.

— Разве любовь обязательно связана с семьей?

— Нет, не обязательно. Но если человек находит в другом человеке как бы часть самого себя и готов объединиться с ним, то совершенно естественно, что образуются семья. Я думаю, что любовь понастоящему консервативна и в этом ее прелесть, в отличие от страстей, увлечений и даже влюбленности. Влюбленность в общем-то связана с внешним и очень радикальным ходом в человеке и того, и другого пола — завоевать, победить, получить удовольствие (но не только эротическое), и по возможности благополучно разойтись. В эротическом удовольствии, как известно, чисто эротического процентов десять, а все остальное перемешано...

— Но если любовь развивается по своим законам, значит, ее можно подробно анализировать. Отчего же этого не происходит?

— Почему очень мало аналитиков в любви? Потому что она не поддается обычному определению. Скажем, и мужчина, и жен-

тут любить-то? Все какие-то не те. А все-таки это случается. По-моему, это чудо. Согласитесь, редко встретишь мужчину или женщину, которые скажут, что никогда не любили.

— Образ советской женщины выразил, хоть и с иронией, персонаж фильма «Кавказская пленница» — красавица, комсомолка,

мер, советскую элиту, то все они гордились парижскими фасонами платьев. Женщины из творческой интеллигенции тоже все что-то этакое пытались смастерить. Ну, были, конечно, задуренные головы. Но советская женщина целиком и полностью не сложилась, несмотря на литературу, на советских писательниц, несмотря на

ном о девушках, вообще о женщине?

— Да, говорили. Но он у нас уже женился. У него прекрасная жена Маша. И те увлечения, которые были у сына раньше, мне тоже всегда нравились.

— Мы все о прекрасных и традиционных чувствах. А если взять, к примеру, любовь Зюганова к Ленину или Анпилова — к Сталину. Что это, как вы думаете?

— Я считаю, что когда человеку чего-то не добавляют в жизни, он начинает в эмоциональном плане превращаться в урод. Мне кажется, что и Анпилов, и Зюганов — просто эмоциональные калеки, которые нуждаются в поддержке идеологии, в опоре на авторитеты, в которые они тут же влюбляются, потому что впусти ужасающая пустота и беспомощность. Если оторвать их от этих кумиров, то что останется? А эта псевдоблюбовь наделяет их какими-то красками, люди к ним начинают тянуться или бояться их. Мы, например, почему о них говорим? Да просто потому, что были Ленин и Сталин, а не потому, что Зюганов или Анпилов так уж интересны и значительны. Их любовь к вождям — просто политический вампиризм.

— Вы могли бы влюбиться в феминистку?

— Ну, в общем, наверное, мог бы. Феминизм мне не кажется таким уж страшным явлением, если нет агрессии. Когда их позиция не встречает сопротивления, то быстро ломается. Да и сами феминистки, когда влюбляются, тоже куда-то проваливаются.

— Что еще раз доказывает — женскую природу никакой идеологией не поработить.

— Как-то я стоял 7 ноября перед плакатом, на котором были изображены космонавт, ребенок, женщина и другие фигуры. И космонавт, и другие мужчины, и пионеры — были все советские. А женщина уже была в платьице, почти мини, было видно, что у нее грудь есть, губная помада... И я подумал: во, что-то тут начинается. Не могут уже навязать ей эту комсомольскую красную косынку. Это был, наверное, 1977 год. Женщина освободилась. Я думаю, что этот процесс идет и дальше. И очень хочется, чтобы мужчины подтянулись. Пусть они каждый день будут такими, как 8 Марта, тогда, может быть, у нас что-то и сдвинется.

— Русский мужчина в вашей книге «Мужчины» действительно представлен существом малопризывательным, если не сказать больше.

— Так оно и есть. И если бы я, например, был гомосексуалистом, то остался бы в полном одиночестве. К счастью, я не гомосексуалист. И надо сказать, вообще больше люблю общаться с женщинами и считаю, что их роль в нашем обществе еще не оценена. Русская женщина — наша опора и своей «Русской красавицей» я пропел ей гимн.

— Кстати, праздник 8 Марта — результат борьбы женщин за равноправие или свидетельство их дискриминации?

— Да и то, и другое вместе. Вы же знаете, что, кроме как в России, этот праздник нигде не отмечают. И в нашей семье — тоже. А цветы своей жене я дарю довольно часто и без всякого повода.

*Беседу вела
Ольга СОЛОМОНОВА.*

Ерофеевы: отец и сын.

ФОТО Н. КОННЕВА.

спортсменка. Этот образ действительно сложился?

— Советский образ женщины был очень неустойчивым. И конечно, советский человек — это все-таки мужчина. Советская власть женщину до конца не интегрировала, может быть, на этом и погорела. Выдумывалась масса идеологических лозунгов по отношению к женщине, но до конца «осветить» ее так и не смогли. Причем в самые хреновые времена и сталинизма, и голода женщина все равно поворачивала шею в сторону, скажем, Парижа и следила за модой. И все равно Париж был важнее по моде, чем красная Москва. Мужчина был паразитически слаб, а женщина вытягивала моду и, конечно, ей было ужасно трудно.

Я не думаю, что стиль советской женщины окончательно сложился. Конечно, где-то были действительно такие женщины — комсомолка, спортсменка, красавица. Но в принципе, если брать, напри-

красивых трактористок в кино. Все равно был Пластов. Советский художник, а какой у него образ женщины? Бяня там, женщина голая, с ребенком. Ну какая она советская? В лучшем случае просто раздетая комсомолка. А голая комсомолка — уже не комсомолка.

— В своем романе «Пять рек жизни» вы весьма сурово описываете русскую даму: «Много курит, ленива, окружена пьяными хахалями, которых жалеет с оттопыренной губой, но после бесконечного выяснения отношений, уличенная в очередном обмене, она обязательно предложит родить от тебя ребенка... К тому же, нечистоплотна...» Это — личный опыт или потому что у вас жена — полька?

— Жена полька меня многому научила. И должен признаться, в какую-то пору моей жизни она смогла создать некоторый момент отчуждения по отношению к образу русской красавицы — как красавицы. Безусловно, русские женщины очень красивые. У нас есть и умницы, и красавицы. Но это отсутствие обаяния... Я имею в виду неумение держаться, создать свой стиль в том высоком качестве, как это умеет европейская женщина.

— Вы считаете стильными женщинами, скажем, немки, финки?

— Нет, нет. Я к немкам отношусь как к некоей игре природы в смысле стиля. Ну а финки вообще трудно назвать европейками. Но если взять итальянок, француженок и англичанок в Западной Европе, то они поразительно стильны. А польки в этом плане выделяются в Восточной Европе. С другой стороны, отчетливо видно, что если бы русские женщины могли существовать в том нормальном человеческом режиме, как живут западные женщины или хотя бы польки, то, наверное, они бы тоже прорвались в стиль. Ну, конечно, берет жалость, но больше за страну. Вы замечали, например, что ни в какой стране женщины не визжат? Только наши. А наши девушки раньше никогда не смотрели в глаза...

— А вы говорите со своим сы-